

УДК 316.752

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.3.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.2)

EDN: QNRTLY

Научная статья

АКТУАЛИЗИРОВАННЫЕ ЦЕННОСТИ СОЛДАТА СВО: ПИСЬМА С ФРОНТА — 2023

Мария Александровна Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

yamap@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-2159-4958](https://orcid.org/0000-0002-2159-4958)

Для цитирования: Подлесная М. А. Актуализированные ценности солдата СВО: письма с фронта — 2023 // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 26–55. DOI [10.19181/snsp.2024.12.3.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.2). EDN QNRTLY.

Аннотация. В условиях обострения военных конфликтов во всём мире, в том числе на территории Украины, представляется важным изучение микрособытийности войны, ценностных приоритетов её непосредственных участников — солдат. Пространство войны и её время (как в физическом, так и метафизическом плане) представляются тем контекстом, где раскрывается аксиология солдата в полной мере. Пограничность ситуации (между жизнью и смертью) создаёт напряжение, обостряет экзистенциальный выбор. Основным методом является анализ эго-документов, фронтовых писем участников СВО, адресованных детям. Письма были отобраны из открытого источника — телеграмм-канала волонтерской группы — с согласия их модератора и непосредственно самих адресантов. Методология текстового анализа базируется на идеях «народного единства», «народной религиозности», связанности русских людей по типу семейных отношений на войне, взятые в одном из самых культовых романов о войне романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир»; идее Н. А. Бердяева о символической природе войны, которая не рождает, а вскрывает зло, его ориентир на мессианскую роль России в военных конфликтах мира; на цивилизационном подходе Н. Я. Данилевского, усматривающего в войне источник исторического развития и формирования культурно-исторических типов. Результаты исследования обосновывают доказательность гипотезы о том, что аксиология имеет свои основания в культурных образцах русской литературы как базовой составляющей школьной программы, а также запечатлена в трудах русских философов, аккумулировавших мировоззренческий опыт предыдущих поколений. В исследовании установлено наличие в аксиологии солдат СВО ориентира на мессианство и проявление особенностей культурно-исторического типа России. Пространство и время войны вынуждает солдат обращаться к ним и усиливает архетипические ценностные основания, актуализирует историческую память и подтверждает её исключительное значение.

Ключевые слова: СВО, ценности, актуализированные ценности, солдат Российской армии, эго-документы, письма с фронта

Введение

К подготовке данного текста автора сподвигло несколько событий: первое связано с фотографиями, которые были сделаны в блиндажах разных частей Российской армии, второе — с путевыми заметками молодого православного священника, который возит гуманитарную помощь в зону боевых действий и ведёт соответствующий дневник в телеграмм-канале.

Фотографии, безыскусно сделанные, второпях, интересным образом зафиксировали то явление и реакцию части общества на СВО, которое периодически отражают и СМИ, это детские письма на фронт, особенно дорогие простым солдатам. Письма читают, перечитывают, их хранят и даже делают из них такие «стены поддержки» в своих блиндажах (см. рис. 1):

Рис. 1. «Стены поддержки», письма детей в блиндажах солдат Российской армии

Сами детские письма на фронт, конечно, не являются особенностью именно этого конфликта, их солдатам писали и прежде (и в годы Первой мировой войны, и Второй). Более того, детские письма на фронт — это в том числе свидетельство той идеологической работы, которая проводится сегодня системой патриотического воспитания. В этом смысле детские рисунки и письма не столько «зов души», сколько результат воспитательного процесса в образовательных учреждениях, что по-своему интересно, т. к. отражает политическую и идеологическую повестку сегодняшнего дня (об этом подробнее в других текстах автора). Отметим, что эпоха гаджетов, безусловно, иначе связывает фронт и тыл, а операционный гибридный тип войн меняет структуру коммуникации (о чём в том числе говорится у Мэри Калдор с её заявкой на изучение «новых войн» [1]). Будем иметь в виду эти особенности, принимая и то, что детские письма

на фронт тем не менее стали источником той ситуации, при которой в век диджитализации, где вся переписка ведётся в гаджетах и телефонах, мы всё же имеем в качестве исследовательского материала, столь редкие сегодня традиционные свидетельства эпистолярного жанра.

Второе событие, как уже было сказано выше, связано с путевыми заметками молодого священника, который, приезжая и встречаясь с бойцами СВО, в своём телеграмм-канале записал:

«Всегда удивляет контраст между теми, кто был на войне и между теми, кто не был. Некоторым из ребят нет и тридцати лет, но их ощущение жизни, их мудрость, интересы и даже юмор очень сильно отличаются от мироощущения их сверстников на гражданке. Я этот контраст часто замечаю. В подробностях уже и не помню нашего разговора, но говорили мы о всём... Каждый приезд парни становятся роднее и роднее, появляются какие-то общие темы, шутки — одним словом, как семья уже (выд. автором)».

Приведённый здесь и другие похожие отрывки свидетельствуют о войне как об особом пространстве обретения смыслов, о том взрослении, которое происходит иначе в спокойной и мирной жизни, о той экзистенции, которая мотивирует гораздо больше к состоянию «быть», чем «казаться». Это же отмечается в анализе фронтовых писем времён Второй Мировой войны, когда его автор приходит к выводу, что «война не притупляла чувств людей. Скорее наоборот, способствовала их углублению и развитию...» [2, с. 52].

В данной работе представлен разбор писем, которые были отправлены бойцами в ответ на присланные детские письма и рисунки. В этих письмах нашли своё отражение не только благодарность, но и мировоззрение солдата, дух времени. Представляется важным прислушаться к этим «голосам» свершающейся «здесь и сейчас» истории и увидеть за камуфляжем её участников, оспариваемой и обсуждаемой до сих пор военной операции, живые сердца.

В исследовании, базирующемся на методе качественной социологии, было проанализировано более 40 писем, а также десятки заметок тех, кто встречался с солдатами, обеспечивая их гуманитарной помощью. Эти заметки, как правило, подкреплялись фотографиями с мест событий. Таким образом, весь исследовательский массив — это письма, фотографии, публичные текстовые зарисовки, в том числе детские письма и рисунки. В этой работе внимание сосредоточено преимущественно на первом, лишь изредка, в случае недостатка информации подкрепляется анализом публичных заметок.

Анализ писем бойцов, которые были отправлены в ответ на детские к ним обращения, можно разделить на личные письма (иногда с под-

письму, собственным именем, чаще — позывным), коллективные, когда кто-то один отвечал от имени всей роты, бригады, чаще — за подписью командира; письма от рядовых. Как правило, коллективные письма отличала излишняя идеологическая составляющая, проявлявшаяся в соответствующих оборотах и тематиках. Личные письма, хотя и были не столь многословны, имели схожую друг с другом структуру, тем не менее в большей степени содержали отсылку к личным переживаниям, к тем ценностям, которые хотелось бы передать, донести. В итоге автор в качестве первичного материала имел дело как с идеологическими нарративами, так и ценностными. Довольно сложно только по письмам определить национальный состав отвечавших, но личные подписи и позывные отсылали нас преимущественно к русской этнической принадлежности адресантов.

Надо заметить, что в силу нового, гибридного характера войн (СВО не является исключением) в события спецоперации вовлечены и мобилизованные, и контрактники с различной мотивацией участия, в том числе с сильно экономической. Автор осознаёт, что довольно сложно оценить и отследить в письмах бойцов к детям ради чего и с какой целью они находятся в зоне СВО (хотя иногда выдаёт сама риторика). Более того, в связи с этим стоит учитывать, что, замечая содержательный фрейм исключительно аксиологической проблематикой, можно уйти с исследовательской позиции на уровень обоснования имеющейся в обществе пропаганды. Попытаемся избежать этого, разделяя тексты писем на идеологические и ценностные нарративы, понимая, что помимо прочего в письмах может звучать и то, что в большом количестве конструируется различными источниками пропаганды и коммуникации.

Письма солдат были предоставлены священником, который возит гуманитарную помощь в зону спецоперации, на передовую. Тексты писем отсканированы и выложены в телеграмм-канале (1962 участника), а их бумажная версия передана непосредственно детям, так как некоторые из них были адресованы лично. Анализ писем был согласован с автором телеграмм-канала и получено разрешение на публикацию текстов писем, их отрывков в исследовательских работах.

В зависимости от автора объём и содержание текстов существенно различались. Отметим, что несмотря на общую структуру писем, сначала благодарность, подчёркивание важности приходящих на фронт детских текстов, рисунков, общих нравственных наставлений, фоном проходит и другое: рассказ о солдатских буднях, переживаниях, нарративы о восприятии страны, отношении к Родине, собственной религиозности, вдохновляющих примерах и героях. На этом и хотелось бы остановиться подробнее, выявляя аксиологию солдата, участвующего в СВО.

Методологические основания качественного анализа

Изучением ценностей под разным ракурсом автор статьи занималась в разные годы, останавливаясь на сравнительном анализе ценностей студенческой среды преподавателей и учащихся [3], выявлении экспертной оценки относительно феноменологии православных ценностей [4], получив в итоге возможность провести исследование, используя методiku С. Шварца и В. Билски, ценностей учащихся светских и религиозных вузов [5]. Основные идеи, возникшие в результате многолетних наблюдений, были оформлены в коллективной монографии, посвящённой соотношению традиций и инноваций в мире ценностей россиян [6]. Накопленный исследовательский опыт позволяет руководствоваться уже сформулированным в одной из работ определением ценности. Это «концентрированное духовное выражение потребностей и интересов социальных общностей, центры мотивации человеческого поведения. Ценностью может быть любое явление, предмет или способ действий, которые содействуют удовлетворению потребностей или реализации интересов той или иной социальной группы» [6, с. 10].

Ценности проявляют себя прежде всего в действии человека и становятся актуализированными, то есть не только декларируемыми, но и определяющими жизненный путь индивида в конкретных, требующих соответствующего выбора ситуациях.

Есть так называемые базовые ценности, которые не столько проверяются ситуацией, сколько соответствуют естественным первичным потребностям индивида. Но и они позволяют говорить об имеющихся тенденциях с точки зрения духовной ориентации общества, духа времени в целом, а также изменчивости ценностей. В этом смысле довольно интересны результаты многолетнего мониторинга базовых ценностей россиян, которое проводится исследовательской группой Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством В. С. Магуна. В одной из последних работ, посвящённой динамике ценностных ориентаций россиян с 2006 по 2021 гг., отмечается, что «...самые заметные изменения за 15-летний период выразились в росте ценностей активного индивидуализма (риска-новизны и гедонизма) и снижении ценности пассивной социальности (ценность безопасности). Таким образом, наиболее динамичными оказались ценности, связанные со стремлением к новым и рискованным видам активности (ценность риска-новизны), со стремлением к активности, направленной на удовлетворение желаний человека хорошо проводить время, баловать себя, веселиться, доставлять себе удовольствие (ценность гедонизма), а также с беспокойством об угрозах и расчётом на защиту от них со стороны государства (ценность безопасности)» [7, с. 55]. В этом же исследовании

подчёркивается, что ценность самостоятельности меньше всего подвержена изменчивости и «предполагает принятие решений, определяющих более длительную и сложную последовательность действий» [7, с. 55]. Зафиксирована неоднородность ценностей не только с точки зрения их категоризации и реализации (кардинальные/субкардинальные, термальные/инструментальные), но и характера их изменчивости: одни подвергаются трансформации заметно и быстро, другие, напротив, остаются длительное время неизменными, как правило, на бытовом уровне в привычном действии практически теми же, что и десятилетие, а иногда и столетие назад. В связи с этим весьма характерно, что ценность активности россиян (их желание действовать, рисковать) изменилась и за последние 15 лет наблюдается её рост, а ценность самостоятельности при этом, вероятно, более корневая, культурно и архетипически сложная, требует больших усилий для трансформации. То есть в определённой степени происходит конфликт ценностей, отчасти их несогласованность, противоречивость. Столь подробная отсылка к многолетнему исследованию ценностей позволяет сформулировать ту проблемную область, которая актуализировалась и в связи с имеющимся у автора статьи собственным исследовательским материалом, и с теми процессами, которые наблюдаются в обществе сегодня в связи с СВО. Она заключается в том, что какие-то ценности достаточно легко поддаются изменениям (как это продемонстрировано в упомянутом исследовании ИС ФНИСЦ РАН на примере количественных данных), но есть ценности-константы, которые не только практически не меняются длительное время, но и поддерживаются в качестве таковых, сохраняя связь и преемственность поколений. Причём они могут быть незаметны: их значение в одни периоды практически забыто, в другие, напротив, вновь актуализируется. В условиях войны или любой иной ситуации экзистенциального выбора, подобные ценности-константы начинают особым образом проявляться, обозначая связь между современным поколением (в нашем случае — воинов) и предыдущими. Отсюда возник и замысел исследования: проанализировать письма участников СВО к детям в контексте опыта самой войны, его изучения, который в случае прошлых поколений довольно объёмно, например, представлен в русской классической литературе, а также в некоторых философских текстах. Многие художественные произведения являются частью школьной программы, с которой знакомы как практически все настоящие российские школьники, так и бывшие, участвующие теперь в СВО. С этой целью важно прежде всего обратиться к источникам, определившим представление о войне в русской культуре, например, к классике литературы — «Войне и миру» Л. Н. Толстого, автор которой, как известно, был не столько любителем истории военных баталий, сколько непосредственным участником сраже-

ний, в частности обороны Севастополя 1854–1855 гг., известной, с одной стороны, проявленным героизмом русского солдата, с другой, — ужасом человеческих потерь и горечью поражений. Поэтому «Война и мир» — не отвлечённый роман о войне и мире стороннего наблюдателя-исследователя, а переложённый на страницы опыт и воспоминания непосредственного участника, который позволил словами героя Андрея Болконского сказать о войне именно так: «Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьёзно эту страшную необходимость» [8, с. 216].

Война в русской культуре и социальной философии

В данном разделе представлен краткий обзор представлений о войне, которые транслировали российскому обществу классики русской литературы и авторитетные философы конца XIX — начала XX вв. Очевидно, что охватить всех, писавших о войне, невозможно, поэтому выделим трёх наиболее значимых авторов с точки зрения распространённости их идей в обществе того времени, и продолжающих оставаться популярными среди отдельных общественных и политических групп до сих пор. Это Л. Н. Толстой (1828–1910), Н. Я. Данилевский (1822–1885) — проповедник цивилизационного подхода, обретающего вновь популярность в российских СМИ, и философ, много писавший о войне в религиозно-эсхатологическом, мессианском ключе, Н. А. Бердяев (1874–1948).

Если на Западе одним из признанных первых теоретиков-классиков, размышлявшем о войне считается Карл фон Клаузевиц (1780–1831) со своим трактатом «О войне» (1832–1834), то в России автором, который также основательно начал осмыслять тему войны в российском обществе, является писатель Л. Н. Толстой. Его роман-эпопея, роман-исследование, как его ещё называют, стал тем фундаментальным трудом, который отразил не только единство войны и мира, их тесную связность, но и народный характер, проявленный в ситуации общей беды — войны. В этом романе Л. Н. Толстой приближает и показывает события войны через быт и повседневность разных семей (Ростовы, Курагины, Болконские, Безуховы, Друбецкие и др.). Именно семья становится тем мерилom, соответствующим миром, который так или иначе пропускает события войны через себя и приближает итог войны — победу.

Исследователи творчества Л. Н. Толстова отмечают, что для писателя война 1812 года становится тем, что «объединяет народ в большую семью, обнаруживает истинные связи между людьми, которые определяются одним чувством, одним желанием» [9, с. 60]. И война выступает тем фактором, который открывает глаза на самих себя, обнаруживает то, что

в ситуации мира не замечалось, но в итоге именно это и ценно. Например, в эпизоде ранения Николая Ростова, где есть описание того, как он молодой и горячий юноша осознает любовь своих близких к нему:

«Кто они? Зачем они бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? Меня, кого так любят все? Ему вспомнились любовь к нему его матери, семьи, друзей, и намерение неприятелей убить его показалось невозможно» [10, с. 231].

Основанием по-настоящему человеческих отношений у Л. Н. Толстого в «Войне и мире» является семейное начало. Народное единство возникает именно тогда, когда эта семейность, то есть особые связи между людьми, ощущающими общую друг с другом жизнь, пронизывают все отношения, и противопоставляется образу толпы (это же находим у народника Н. К. Михайловского, для которого толпа и народ не одно и то же), которая разобщена и по этой причине не может решать общих задач. В романе в итоге всех описаний «реализуется устойчивое в русской культуре начала XIX в. соотношение «дома», братских, родственных связей и «отечества»» [10, с. 61]. Народное единство не существует самостоятельно, само чувство семейности возникает среди, казалось бы, формально чужих друг другу людей. Например, в описании знаменитого отрывка обстрела французской армии батареей капитана Тушина, разбираемого во всех российских школах как пример подлинного героизма так называемого «маленького человека», мы находим такие слова и выражение этого единства, проявляемые не только в синхронизации действий, но и общего (почти коллективного) выражения лица:

«...Тушин, не выпуская своей носогрелки, бегал от одного орудия к другому, то прицеливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь переменной и перепряжкой убитых и раненых лошадей, и прикрикивая своим слабым, тоненьким, нерешительным голоском. <...> Солдаты, большею частью красивые молодцы (как и всегда в батареейной роте, на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах (выд. автором)» [10, с. 235].

Единство это достигалось в том числе благодаря особому типу народной религиозности (особо проявленной в Платоне Каратаеве), где главной является идея связанности людей: «переживание чужого греха как своего, понимание абсолютной причастности человека ко злу, которое совершается в мире...» [9, с. 62].

Для описания методологических положений исследования, данные которого анализируются в статье, важно зафиксировать эту триаду «дом — братские, родственные отношения — отечество», так как идущее из глуби-

ны русской истории аксиологическое основание, подмеченное Л. Н. Толстым, отразилось и в анализируемых нами письмах, явилось некоторой общей чертой, связывающей прошлое и современность. Не случайно поэтому, что именно детские письма нашли отклик у солдат СВО, которым легче было проявить к ним отцовские чувства и в своих ответах показать то родство, которое является частью того народного единства, когда-то так точно описанного Л. Н. Толстым.

Ещё один взгляд на войну находим у более позднего современника Толстого — Н. А. Бердяева (1874–1948), который пишет, что «природа войны — символическая», имея в виду, что «война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни» [11, с. 177]. Война, уточняет Н. А. Бердяев, «не создала зла, она лишь выявила зло» [11, с. 178], которое скрывалось глубинно и копилось в человечестве годами. Он пишет прежде всего о духовной природе войны, обращая внимание на проблему зла в мире. Находит Н. А. Бердяев в войне и положительные качества: «В войне соприкасаются предельные крайности и дьявольская тьма переплетается с божественным светом... если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, но есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [11, с. 180–183]. Отчасти об этом же пишет и Н. Я. Данилевский (1822–1885), исследователь цивилизаций, отмечая, что «война очень большое зло, однако не самое большее». Правда, в отличие от Н. А. Бердяева, он обращает внимание не на духовные причины войны, а сугубо цивилизационные, считая войну имманентно присущей человечеству и являющейся своеобразным двигателем всемирной истории.

Напомним, что тексты о войне у Н. А. Бердяева возникли не случайно. В годы его творческой зрелости шла Первая мировая война (1914–1918), о которой он рассуждал через призму как раз цивилизационного подхода, считая саму войну для России если не благом, то возможностью реализации своего высшего призвания и предназначения. Последнее он видел в соединении Россией восточной и западной цивилизаций, считая, что «Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» [11, с. 22]. Здесь, как можно заметить, проявление мессианского задора и чаяний, свойственных части интеллигенции того времени, столь близких и сегодняшним лидерам общественного мнения (возможно, количественно той же части, что и в начале века?), видящих будущее России в её спасительной миссии по отношению к Европе и затем всего человечества. Интересно, что упоминаемый Н. Я. Данилевский, рождённый раньше Н. А. Бердяева, лишённый сугубо мессианского пафоса и рассматривающий войну как цивилизационный конфликт, столкновение между народами и государствами, был убеждён, что война между Россией и Европой неизбежна по причине фундаментальных гео-

политических противоречий и нерешённого восточного вопроса [12, с. 71]. Объединение России с другими славянскими народами в единый (Всеславянский) союз, федерацию, по мнению Н. Я. Данилевского, могло бы коренным образом изменить международную ситуацию и сделать её более стабильной. Будучи сторонником разнообразия, он не связывал будущее развитие человечества с «общечеловеческой цивилизацией».

Обобщить методологические исходные положения, значимые для смыслового анализа писем солдат можно по нескольким составляющим. Русская культура и, в частности, русская классическая литература смотрели на войну глубоко психологически, видя в ней сборку и проявление народного единства по типу семейных, глубоко близких отношений. Подобный культурный образ, замеченный и мастерски прописанный Л. Н. Толстым, в итоге станет некой атрибутикой русского солдата и русской армии, той отличительной чертой, которая будет запечатлена не только в прозе, но и в поэзии, музыке.

Значительная часть войн рассматривалась «властителями дум» в России как противостояние Востока и Запада не только как духовное, но и как геополитическое, конкретнее как цивилизационное. Отсюда то, что аксиологическое пространство русского воина формировалось в рамках представлений о высокой миссии России, о её мессианском характере, как о том, что может нести «свет миру» и стабильность. Воин-освободитель, воин-спаситель — главные черты солдата русской армии.

Подобная аксиология неразрывно связана с конкретной социальной и исторической реальностью, ответ на которую, в том числе и военный, является всякий раз проверкой сложившимся ценностям.

Методика, информационная база исследования

В 2016 году вышел сборник «XX век: Письма войны», в который вошла подборка писем, демонстрирующая историческую динамику жанра военного письма. Данная книга интересна тем, что представляет массив так называемых эго-документов, причём в ретроспективе, с начала XX в. и до времени двух Чеченских кампаний. Одной из задач составителей сборника являлось стремление показать те изменения, которые произошли в стилистике писем и в субъективном (не макрособытийном) отношении к войне. Работая с этими письмами, отдельные авторы приходят к выводу, что пройден путь от высокопарного «честь имею» в начале века, с промежуточным этапом письма как советской трибуны в годы Великой Отечественной войны, до неприкрытого отношения у «афганцев» и «чеченцев» к войне как к необходимости, тому месту, где надо выжить, где основная задача — уничтожение [13, с. 90]. На примере изменения

риторики солдат была показана трансформация войн и отношения к ним. Вместе с этим проступал и характер, и время войны, с которыми менялись соответствующие установки, и тем интереснее, что же остаётся в качестве константы и организует межпоколенческую связь.

В авторском исследовании объектом анализа являются письма участников СВО к детям, предметом — актуализированные ценности солдата, которые проявились во время СВО и их содержательная связь (или её отсутствие) с образцами, представленными в русской классической литературе и работах отдельных философов.

Анализ писем относится к тем методам, которые связаны с работой с эго-документами (письма, дневники, автобиографии, биографии, резюме, биографические и дневниковые заметки в Интернете и пр.). В последнее время данный тип документов становится всё более популярным, о чём свидетельствует в том числе вышедшая в 2021 году книга, посвящённая исследованиям, основным источником которых стали эго-документы. Специфика подобных материалов заключается в том, что «в любом эго-документе засвидетельствованы одновременно и социальное, и индивидуальное» [14, с. 334]. Выделить и отделить одно от другого довольно проблематично, более того, и социальное, и индивидуальное настолько разнообразны и множественны, что трудно говорить как о среднестатистической личности, так и о социальных типах. Вместе с тем, эго-документы помогают решать иные задачи, и будучи источниками, проливающими «свет на многообразие микросоциальных практик, всегда указывают на то, что любому обществу релевантны бесконечно «малые» группы и подгруппы, границы которых к тому же разомкнуты и подвижны» [14, с. 335]. Отметим, что эго-документы широко используются и историками, например, при анализе «писем во власть» [15], и педагогами, в том числе для выявления ценностных ориентаций, различных мировоззренческих конструктов [16], и непосредственно социологами [13].

Автор полагает, что проблематика исследования находится в рамках предмета социологии ценностей, частично стыкуясь с военной социологией.

Военная социология в настоящее время представляет собой уже сложившуюся, институционально оформленную субдисциплину. Об этом свидетельствует как зарубежный опыт подобных исследований, так и отечественных (чему в большом количестве посвящены обзоры отечественных социологов, в частности, И. В. Образцова). Более того, военная социология переживает тот этап, когда представления её зарубежных классиков, таких как С. Хантингтон и М. Яновиц, подвергаются критике и пересмотру, производится ревизия «старых» войн, вводится в оборот понятие «новых» [1; 17] и гибридных [18] войн. Вместе с тем происходит

и процесс переосмысления объекта и предмета самой военной социологии, выясняется, что её предметная область прежде всего связана с военной организацией, и было бы точнее называть данную субдисциплину социологией военной организации, тогда как происходящие в области войны и мира (как процесса, состоящего из стадий и акторов, не только военных) события значительно шире, что требовало бы соответствующего названия «социология войны и мира» [19, с. 111]. В итоге формируется видение о необходимости междисциплинарности субдисциплины, интеграции макро- и микроуровневого анализа, «постдисциплинарности» и сочетании индуктивного и дедуктивного познания, при котором происходит изучение не только самих феноменов («вещь для нас», как она нам представляется), но и так называемых «ноуменов» («вещь в себе» или как она есть) [19].

Из проблематики военной социологии с задачей предпринятого автором исследования коррелирует аспект групповой сплочённости, но актуализированной через ценностные константы как сплочённости нынешних поколений воинов с предыдущими.

Автором выбран анализ писем как основной исследовательский метод по двум причинам: представлялось, что именно письма, обращённые к детям, позволят, помимо пропагандистской риторики, выявить особенности мировоззрения солдат и те субъективные смыслы, настроения, которые сложились в этой группе; именно такого рода источник сегодня, во время проведения СВО, рассматривается как единственный, позволяющий увидеть не фасадную, а интимную, даже в определённом смысле сентиментальную сторону полевой, военной жизни (при этом из рассмотрения не исключена и идеологическая составляющая, навязанная пропагандой). Вместе с тем, у метода есть свои ограничения, они связаны прежде всего с тем, что адресат — дети, с одной стороны, вызывает ту самую сентиментальность и доверие, с другой, — он же и ограничивает содержание, ребёнку нельзя пожаловаться, его нельзя расстроить, напугать. Поэтому ожидаемо позитивная тональность писем поначалу отталкивает и вводит в заблуждение. В таких случаях использовался дополнительный источник информации — заметки православного священника, который по долгу своей службы длительно находится с бойцами на передовой и ведёт свой телеграмм-дневник.

Цитирование писем бойцов в тексте статьи прямое, то есть даётся в оригинальном, исходном написании. В дополнение к цитатам приведены отрывки текстов, написанные рукой солдата, которые сами по себе являются источником информации и в отдельных случаях памяти (так как большинство из них принадлежит бойцам штурмовых отрядов, некоторые из которых на сегодняшний день погибли).

Результаты анализа

К теме войны и личности в условиях войны, а затем и мира, автор обращалась в своих работах и прежде, в частности, проводила дискурс-анализ нарративов ветеранов Чеченских кампаний. Тогда анализировались заметки ветеранов [20], оставленные ими в обсуждениях общего интернет-ресурса, созданного с целью поддержки ветеранов такими же участниками Чеченской войны. Одним из результатов стало представление о том, что анализ должен строиться исходя из самих текстов, с выделением главной, часто повторяемой мысли. В ней, как правило, и болевая точка, и главная радость или надежда, всё остальное является дополнением, создавая определённую структуру, достраивая мысль, уточняя её. Причём в случае анализа текстов сайта структура определялась в том числе заданностью тем для обсуждения, то есть получалась своеобразная воронка от общих нарративов к групповым и, наконец, к индивидуальным, уникальным. В данном случае, когда аналитическую базу составляют эпистолы бойцов к детям, писавшим им письма, целесообразно применить тот же принцип. Это не совсем то, что привыкли называть техникой анализа Grounded theory, так как фактически при таком анализе не производится кодирование, скорее это больше похоже на мотивный метод анализа, разработанный литературоведами [21; 22], где основным является поиск основного мотива, идеи, мысли, вокруг которых выстраивается и всё остальное. Для таких мероприятий, как написание ответов детям, где письма составляются иногда совместно, подобная техника анализа представляется более релевантной.

«Победа будет за нами» — та мысль, которая неизбежно повторяется от письма к письму. Она так часта, что создаётся впечатление, что отец хочет успокоить таким образом сына/дочь, в действительности же, это то, что держит самих бойцов в тонусе. Это их вера на сегодняшний день. В письмах эта фраза, как правило, в конце, как подпись, как завет, как обещание. Вместе с этой фразой в текстах часто встречается *«Великая Россия»*, *«Великая Победа»*. Обращает внимание во всём массиве писем то, что бойцы, наряду с патетическим, пишут о сложностях войны, позволяют себе сказать об усталости от неё, о том, что никогда не хотели бы видеть её ужасов. Эти тексты — не советская трибуна, как в годы Великой Отечественной войны, но вместе с тем это и немало событийные, лишённые сильного чувства письма солдат афганской и чеченской войн, которые зачастую не знали, за что и зачем они воюют. Здесь не только иного рода идеологическая составляющая (об этом будет ниже), но, что более важно, иная маскулинность — не брутальная, агрессивная, а сдержанная, открытая. Отсюда то, что в дополнение к первой мысли (*«Победа будет за нами»*) звучит и это: *«Нам тяжело, нелегко»*:

Нам тяжело, тяжело,

или: «...в эти непростые для всех нас дни. Даже одно небольшое письмо от вас, даёт нам сил и прибавляет бойцовского духу».

*За эти дни...
иные, в эти непростые для всех нас дни.
Даже одно небольшое письмо от вас, даёт
нам сил и прибавляет бойцовского духу.
...! Знать что*

или как здесь, где солдат пишет с нежностью о том, как необходимо каждому человеку внимание и забота другого (он это знает!), поэтому детские письма «отдушина среди окопных будней»:

Мои получили Ваши письма и с увлечением читали их всеи ввечером. Это пришло отдушина среди окопных будней. Очень важно для любого человека, а для нас особенно осознавать, что о нас кто-то думает, беспокоится и волнуется. Спасибо тебе

В письмах к детям бойцы умалчивают о том, что делает их окопные будни тяжёлыми, но при этом не создают видимость, не бравируют, что всё легко. О трудностях войны они рассказывают священнику. О самой тяжёлой своей встрече с бойцами штурмовой группы, которые идут первыми и среди которых самые большие потери он пишет:

«После причастия подошёл один боец и говорит: «Батюшка, что делать со страхом, если очень боишься и ничего не можешь с этим поделать? Нам через два дня идти туда...»».

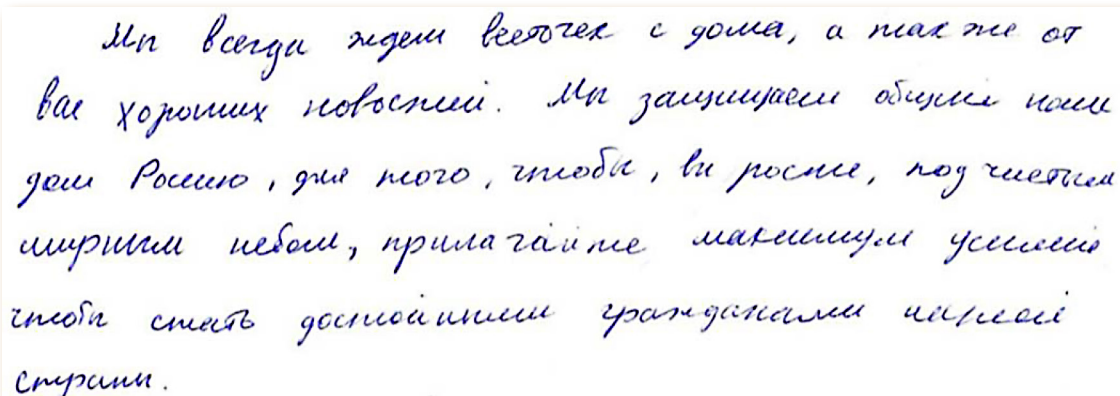
Страх смерти не отступает, особенно он явственен в ситуации каждодневных потерь сослуживцев. Постоянное напряжение, ежедневное ожидание смерти в итоге приводит к эмоциональному выгоранию, которое со стороны видится удручающе:

«Дай Бог, чтобы все они вернулись целыми и невредимыми! Но по глазам видно, что многие хотят умереть — так они уже устали и намучались... многие в строю стояли с перебинтованными ранами, полученными в прошлых штурмах — лечатся прямо тут в расположении, чуть подлечатся и снова в бой».

Помимо эмоционального выгорания есть и другое — бойцы, оставаясь в живых и получая ранения, снова возвращаются в строй вынужденно, так как каждый солдат на счету, и по идеологически-ценностным соображениям. Образ русского солдата периода СВО представляется довольно ярко: он не карикатурный, плакатный герой с идеологическими штампами вместо слов,

а живой и даже близкий, парень с соседней улицы. Война также предстаёт особым образом: как рутина, но в отличие от Чеченских кампаний, не как та, на «которую надо сходить», не как вынужденная необходимость, а как рутина, ведущая к Победе. Последнее в письмах пишется с заглавной буквы.

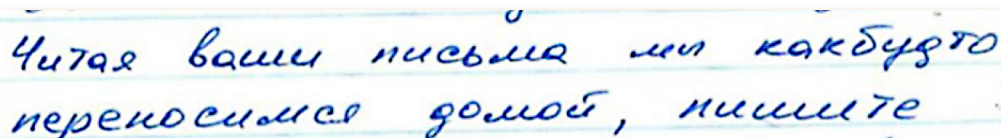
«*Наш общий дом — Россия*». Важна ещё такая особенность текстов солдат СВО: почти в каждом из них есть попытка объясниться, обозначить цель того, за что они воюют. Они не рассуждают и не вступают в пространные размышления зачем и почему, как это, например, наблюдалось в заметках ветеранов Чеченских кампаний, которые и после возвращения долго искали смыслы, здесь их знают наверняка. Весьма характерно письмо бойца, отправленное ребёнку, за подписью, как если бы он официально удостоверял ею каждое написанное слово. Приведём здесь его отрывок:

Мы всегда ждем весточек с дома, а так же от вас хороших новостей. Мы защищаем общий наш дом Россию, для того, чтобы, вы росли, изучали мирные небеса, прилагали все наши усилия чтобы стать достойными гражданами нашей страны.

Боец пишет «*Мы защищаем общий наш дом Россию*», подчёркивая то архетипическое, что с такой точностью подметил Л. Н. Толстой: защищать можно только то, что складывается или сложилось по типу семейных, близких связей и отношений. Это было характерно для 1812 года, это же повторилось в начале XXI века и упоминаемая нами триада «дом — братские, родственные отношения — отечество», характеризующая патриотические чувства позапрошлого века, вновь прозвучала уже в следующих поколениях. Обратим внимание, что для адресанта страна «наша», то есть единая, общая с адресатом, и в этом смысле отсутствует жёсткое разделение границ на тех, кто здесь (на войне), и тех, кто там (в мире). Он не отстраняется, не отделяется от пришедших в его военный мир со стороны, из мира, напротив, он подчёркивает общность с ним («*наш общий дом — Россия*»). Симптоматично, что слово «дом» звучит в таком коротком отрывке дважды «*мы ждём весточек с дома*» и «*мы защищаем наш дом Россию*», подчёркивая, с одной стороны, связь того и другого, с другой, что и то и другое как нечто единое, требующее защиты.

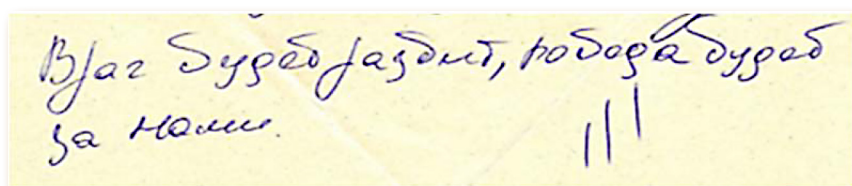
И наконец, тема дома звучит в контексте самих детских писем, которые «переносят» солдат в атмосферу мира, ещё недавнего довоенного прошлого, таким образом опять же связывая два пространства — войны и мира.

Читая ваши письма мы какбудто
переносимся домой, нишесте

«Мы повторим подвиг наших дедов и прадедов» — это ещё один часто встречаемый нарратив, который тесно связан с первым «Победа будет за нами». В чём его связь? В первую очередь в том, что сама спецоперация увязывается с прошлым страны, с предыдущими поколениями воинов. И это прошлое усматривается не только в поколении дедов, которых скорее всего бойцы застали, но, что более важно, в поколении прадедов. То есть это предки из советского и более раннего прошлого. Само обращение к исторической, коллективной памяти сигнализирует о том, что война является тем пространством, где особенно актуализируется связь времён, межпоколенческое единство, обращение к корням. Возможно, это тот феномен, которому меньше всего уделяется внимание, особенно в ситуации «ускоряющегося времени» (Х. Роза), но на практике война ещё и фиксатор, стабилизатор времени, своего рода корректировщик порядка и хаоса, временного и вечного. Вообще время в пространстве войны играет почти исключительную и даже мистическую роль: раненые и умирающие солдаты видят в бреду своих умерших предков, в том числе тех самых дедов. Таким образом связь времён становится не призрачной, а физически ощутимой, и история предстаёт своеобразной эстафетой накопленного от тех, кто был вчера, к тем, кто есть сегодня. Война в определённом смысле — встреча прошлого с настоящим, двух миров, не только войны и мира, но войны этой и войны той. Время войны имеет физическое и метафизическое измерение.

Во вторую очередь, сама фраза «Победа будет за нами» принадлежит бойцам Советской армии, солдатам Великой Отечественной войны. Фактически, спецоперация не создала своего боевого клича, она воспользовалась риторикой тех, кто был вчера. И в этом прошлом для бойцов сегодняшней войны сосредоточены наиболее значимые ценностные позиции. Можно предположить, что это безусловный героизм и самоотверженность советских воинов. Из тех же вдохновляющих призывов советского времени находим в одном из писем известные слова из речи В. М. Молотова:

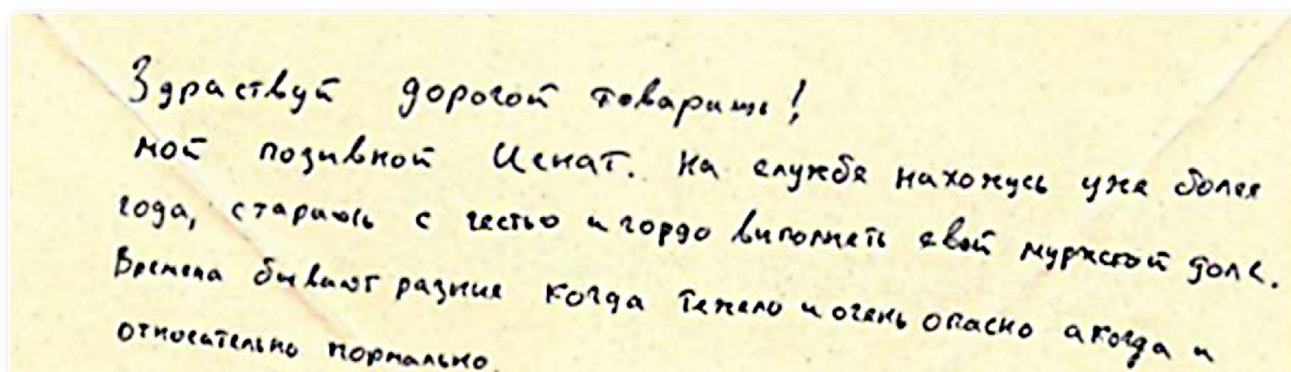

Взяг Бурбогазди, робора бураб
за нами. ||

«Здесь идёт настоящая война» — пишет адресант, — «...чтобы ты, мог жить в спокойной стране, где нет нацизма и фашизма и не переписывается история...». Таким образом, и это надо подчеркнуть, аксиологию солдата СВО составляет ценность исторической памяти. В этом смысле война актуализирует её, выносит из второстепенных ценностей, каковой она, скорее всего, остаётся в мирное время, на первое место.

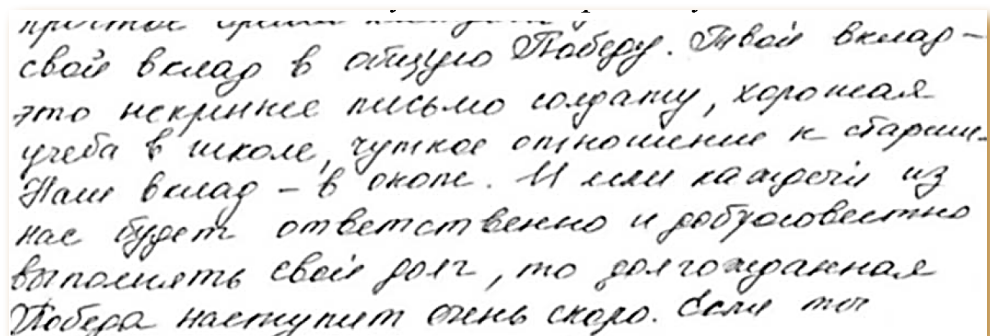
«Мужской долг». Одним из значимых нарративов в письмах, раскрывающих аксиологию солдата СВО, являются нравоучительные обращения к детям, которые оказываются в текстах не менее значимыми, чем возможность объясниться, назвать цель и причины войны.

Если в период Чеченских кампаний чаще всего писали о войне как о «служебном долге», то в письмах бойцов СВО появляется иное словосочетание — «мужской долг». Обращает внимание, что мужской долг прежде всего связывается с честью и гордостью, что невольно отсылает нас к забытому «честь имею» конца XIX века.

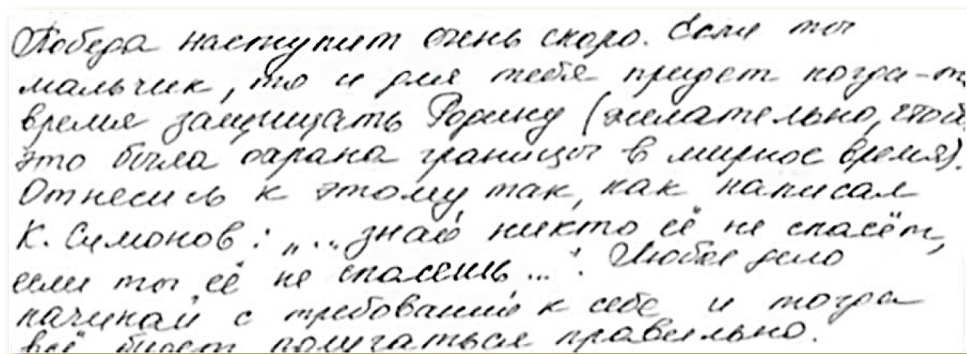
В качестве основных наставлений к детям бойцы называют необходимость послушания родителям, получить «как можно больше полезных знаний». Актуализированы ли эти ценности для солдат в той же степени, как они хотят об этом сказать своим адресатам, — вопрос. Скорее всего, здесь бойцы воспроизводят общий для всех стереотип воспитания, нравственный урок добродетели, который связан с ценностью учёбы и соответствующего отношения к старшим. Тем не менее отмечаем это как то, что относится к категории этического, нормативного.

В дополнение к сказанному приведём ещё один отрывок из письма. Он интересен тем, что в канве поучений о хорошей учёбе и почитании старших скрывается ценностный нарратив о всё том же долге. Здесь он изначально не обозначается как мужской, то есть нет прямой увязки с полоролевыми характеристиками, но говорится о нём как об ответственности и добросовестности, которые стоит проявлять каждому на своём месте: *солдату — в окопе, ребёнку — в школе.*

притом ценю...
свой вклад в службу Родине. Твой вклад —
это некриние письмо солдату, хорошая
учеба в школе, гуманные отношения к старшим.
Наш вклад — в окопе. И если каждый из
нас будет ответственно и добросовестно
вспомнить свой долг, то долгожданная
Победа наступит очень скоро. Если тот

То есть категория долга — это то, что также вписано в аксиологическую картину русского солдата, причём прочитывается она и с точки зрения пола, и выполнений обязательств каждого на своём месте. Отметим, что тот же адресант так или иначе от «обязательств на своём месте» возвращается в своей мысли к первому, то есть к поло-ролевым особенностям долга. И поэтому продолжает далее оборотом «если ты мальчик...».

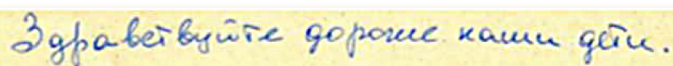
Победа наступит очень скоро. Если тот
мальчик, то и для тебя придёт когда-то
время защищать Родину (заметьте, это
это была сарказм граждан в мирное время).
Отнесись к этому так, как написал
К. Симонов: «...знаю, никто её не спасёт,
если тот её не спасёт...». Любая дело
начинай с требований к себе и тогда
всё будет получаться правильно.

«Если ты мальчик» — пишет автор, то «и для тебя придёт когда-то время защищать Родину». Он желает, чтобы эта защита, главным образом границ, происходила в мирное время. И просит отнестись к этому так, как писал об этом известный поэт времён Великой Отечественной войны К. М. Симонов. Помимо того, что здесь вновь наблюдается обращение к советскому времени и советской системе воспитания, важно и то, что называется и цитируется ещё один авторитетный автор. Это уже не персонаж кино Данила Багров, а реальный человек, участник Великой Отечественной войны и боёв на Халхин-Голе, писатель и поэт. И адресант, цитируя строки из его стихотворения, обращает внимание юного адресата на то, что Родину кроме него, юного мальчика, а затем мужчины никто не спасёт. В конце военнослужащий завершает: «любое дело начинай с требований к себе и тогда всё будет получаться правильно». Своеобразный наказ на дальнейшую жизнь, который, видимо, и должен воспитать в мальчике мужчину. Применительно к нашему анализу отмечаем ещё одну ценностную характеристику русского солдата — быть мужчиной и исполнять «мужской долг», который связывается, как и век назад, с требовательностью к себе и защитой Родины.

«Идеологические установки». Примечательно, что категория «мужского долга», которая соотносится с защитой Родины, более всего увязывается с «идеологическими» нарративами. Причём содержательная часть этих установок сконцентрирована вокруг нескольких моментов, которые и проясняют, почему Родину надо защищать: «Россия большая», «это наше общее дело», «это дело всех народов Великой России». Как можно заметить, здесь звучит и установка на многонациональность страны, часто освещаемая в СМИ, и на то, что она великая, то есть территориально большая, ресурсно и исторически богатая. Это своеобразные маркеры на узнавание, выделение страны из всех остальных.

«Сентиментальное чувство. Близость». В работе уже упоминалось об особой, не брутальной маскулинности, которая была проявлена в письмах солдат СВО к детям. Теперь уместно усилить данный анализ, подчеркнув в том числе сентиментальный характер текстов. Интересно, что это вполне согласуется с предыдущей ценностью, обозначенной в письмах как «мужской долг», и раскрывает глубже аксиологию российского солдата, которая контрастна.

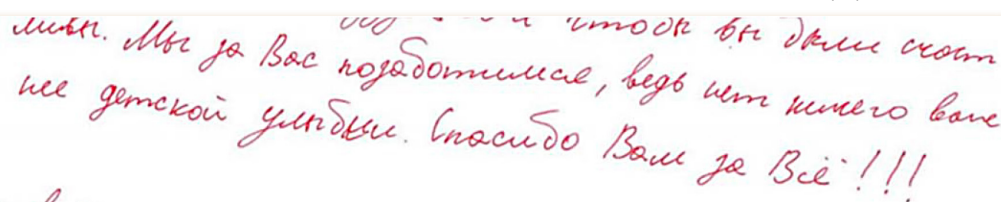
Прежде всего особая сентиментальность была проявлена в обращениях к детям. Например, «Здравствуйте дорогие наши дети».

или «Здравствуй, дорогой ребёнок!»

Более сложные нарративы сентиментального чувства содержали всевозможные образы, в том числе с отсылкой к литературным. Как например этот, созвучный со знаменитой «слезой ребёнка» Ф. М. Достоевского:

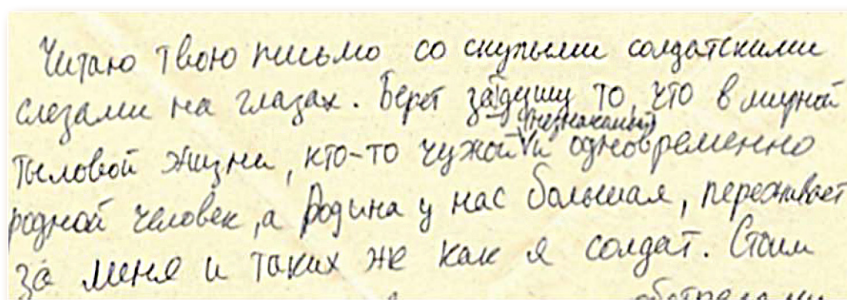

Автор письма пишет: «Мы за Вас позаботимся, ведь нет ничего важнее детской улыбки. *Спасибо Вам за Всё!!!*» С точки зрения анализа это, наверное, самая интимная часть писем, так как раскрывает бойцов с непривычной, зачастую глубоко скрываемой стороны. В приводимых здесь отрывках фактически проговаривается то, что по-настоящему дорого или кажется, что дорого. В данном случае — детская улыбка.

В другом письме его автор замечает, что «мы хотим чтобы сон детей был всегда спокоен». Что-то близкое к предыдущему, только теперь это

сон, спокойствие ребёнка. Здесь даётся образ безмятежности и тишины. Более умильного образа, чем спящий ребёнок, наверное, сложно себе представить, и на войне, в окопах этот образ, как выясняется, крайне дорог.

Наконец, ещё один особенно эмоциональный отрывок. Причём, это длинное письмо, где солдат почти что исповедуется маленькой девочке. Мы опустим исповедальную часть и приведём только часть текста. Солдат пишет: *«Читаю твоё письмо со скрупулезными солдатскими слезами на глазах. Берёт за душу то, что в мирной тыловой жизни, кто-то чужой, незнакомый и одновременно родной человек, а Родина у нас большая, переживает за меня и таких же как я солдат».*

В данном случае особенно важно видеть сам авторский текст, в котором адресат письма делает уточнения, пытается пояснить мысль, как в слове «чужой, незнакомый», или вносит исправления, как в слове Родина, которое он пишет сначала со строчной буквы, а потом исправляет на прописную. В этом не только неуверенность руки, не привыкшей писать письма и делающей ошибки, но и сосредоточенность на чувстве, которое в данную минуту растрогано заботой «чужого» человека и поэтому особенно доверчиво.

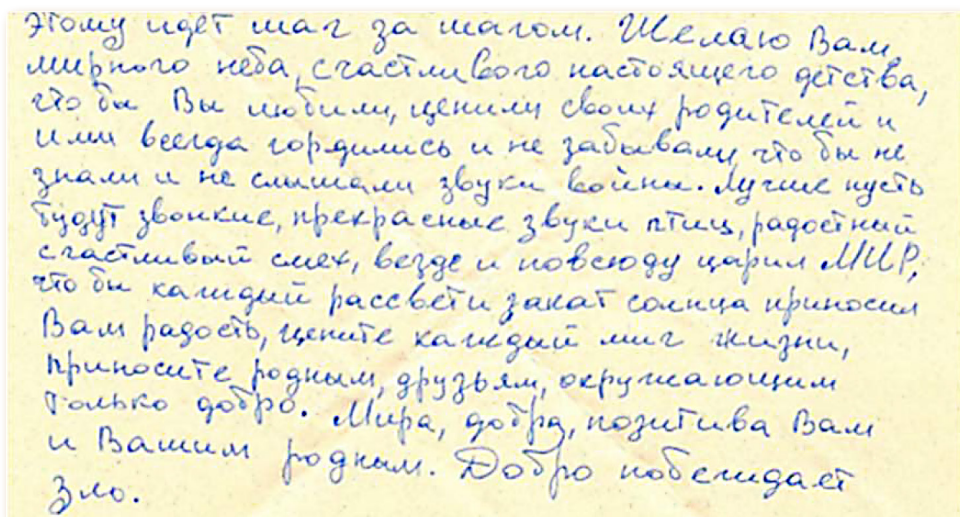
В итоге, в одном из писем мы почти слышим, а не читаем возглас какого-то молодого солдата: *«как твоя забота помогает мне, как будто всё становится светлее и ярче».*

Надо заметить, что подобная чувствительность — это также часть аксиологической картины русского солдата, которая вне пространства войны, возможно, была бы другой, более сдержанной и менее эмоциональной. Здесь же в ситуации войны чувства оголены и любое внимание со стороны становится само по себе ценно. Возможно, это можно было бы обозначить как ценность близости с другим.

«Мечты солдата. Ценность мира». С предыдущими нарративами тесно связаны те тексты писем, в которых солдаты раскрывают то, о чём они мечтают. Происходит это, что совсем неудивительно, в тот момент, когда бойцы переходят к пожеланиям детям. Так, в одном несколько грустном письме мы читаем: *«Чтобы это всё поскорее закончилось».* Или: *«чтобы вы не слышали и не видели происходящего».*

В другом тексте автор не столь краток, напротив, так воодушевляется пожеланиями, что не замечает ни собственной многословности, ни того,

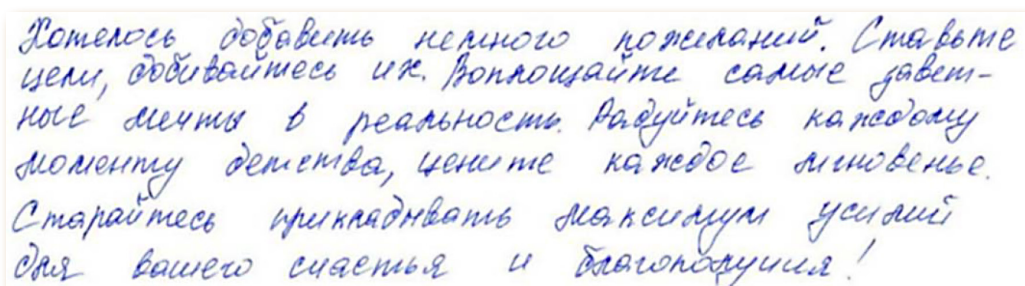
что пишет в итоге о своих желаниях: «...что бы не знали и не слышали звуки войны. Лучше пусть будут звонкие, прекрасные звуки птиц, радостный, счастливый смех, везде и повсюду царил МИР, что бы каждый рассвет и закат солнца приносил Вам радость, цените каждый миг жизни, приносите родным, друзьям, окружающим только добро».

Этому идет шаг за шагом. Желаю Вам мирного неба, счастливого настоящего детства, чтобы Вы любили, ценили своих родителей и ими всегда гордились и не забывали, чтобы вы не знали и не слышали звуки войны. Лучше пусть будут звонкие, прекрасные звуки птиц, радостный счастливый смех, везде и повсюду царил МИР, чтобы каждый рассвет и закат солнца приносил Вам радость, цените каждый миг жизни, приносите родным, друзьям, окружающим только добро. Мира, добра, позитива Вам и Вашим родным. Добро побеждает зло.

Как оказалось, для находящихся каждый день на краю жизни и смерти, мир и мирная жизнь приобретают самую высокую ценность, вплоть до того, что прежде казалось обыденностью (как, например, закат и рассвет, пение птиц) становится в условиях войны крайней необходимостью. И вроде бы мысль не нова, но всякий раз поражает своей простотой и также составляет ядро философии войны. Об этом же много написано и у Э. Юнгера, и у Э. Ремарка. То есть приход к простым смыслам жизни — это не исключительно черта российского солдата, это то, что характерно для человека в принципе, то, о чём писали экзистенциалисты, говоря о потенциале пограничной ситуации.

Помимо ценности «каждого мига и каждого дня» на войне, как можно заметить из ещё одного отрывка, обостряется решительное чувство: не бояться ставить перед собой самые смелые задачи. Один из бойцов, обращаясь к детям, пишет: «Ставьте цели, добивайтесь их. Воплощайте самые заветные мечты в реальность. Радуйтесь каждому моменту детства, цените каждое мгновение. Старайтесь прикладывать максимум усилий для вашего счастья и благополучия!»

Хотелось добавить кривого пожеланий. Ставьте цели, добивайтесь их. Воплощайте самые заветные мечты в реальность. Радуйтесь каждому моменту детства, цените каждое мгновение. Старайтесь прикладывать максимум усилий для вашего счастья и благополучия!

Для солдат, оказавшихся на передовой, предыдущие страхи не только померкли, но и пришло осознание, что быть счастливым довольно просто, достаточно не бояться своих целей и желаний. Это тоже часть аксиологии солдата, его приобретений и установок, сложившихся на войне.

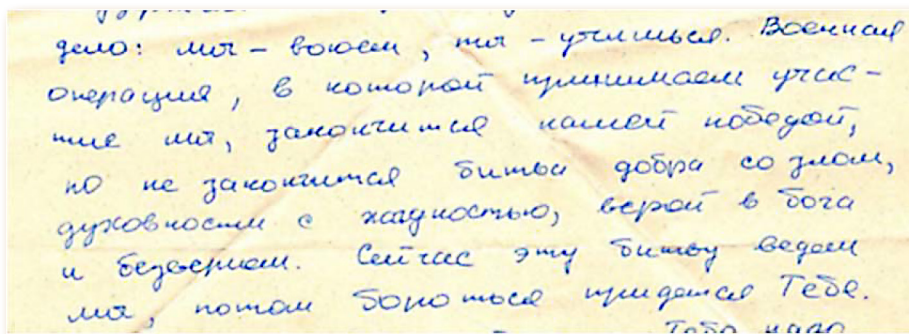
И, наконец, совсем лирическое: «Победа наступит и я и мои товарищи, все вернёмся домой живыми и не вредимыми и забудем эти сложные для нас все времена, как страшный сон».

Война с предельной ясностью указала на ещё одну ценность — саму жизнь, которая, возможно, раньше не была столь актуализирована, а проблема существования (подлинного или мнимого, или того и другого) была чем-то отвлечённым и далёким. Теперь же она приобрела иной смысл и значение. Но понятно, что вернутся не все, как хочет того автор.

«**Ценность Бога**». Завершая анализ, стоит сказать об ещё одной ценности, о которой как таковой заявляли в своих текстах бойцы СВО. Это ценность Бога. Таких нарративов было немного, но они всё же звучали в письмах, причём, главным образом как простое утверждение: «Мы верим в Бога»:

Или как мысль о русском народе, который не может не верить «в нашего православного бога». Он же, «православный бог», — залог неизбежной победы, потерь и боли.

Тема духовности звучит ещё в одном нарративе, в котором нет повествования о самом Боге, но говорится о «битве добра со злом», «духовности с жадностью», «верой в бога и безверием». Автор письма продолжает: «Сейчас эту битву ведём мы, потом бороться придётся Тебе».

Таким образом, война рассматривается как вечное, непрекращающееся зло, однажды начатое и продолжающееся в поколениях. Как то, что было в прошлом, есть в настоящем и неминуемо ждёт будущие поколения завтра.

Заключение

Подводя итоги, ответим на два основных вопроса: «Каковы актуализированные ценности солдата СВО?», «Имеют ли они цивилизационную специфику и связь с предыдущими поколениями?».

Связь, несомненно, есть и она проявлена в межпоколенческой преемственности ценностей воинов, в тех культурных маркерах, которые отражены в русской классической литературе прошлых веков и актуализированы в мироощущении современных поколений солдат. Культурный фактор играет здесь ключевую роль, религиозный — меньшую (по крайней мере, он реже проявлен в письмах). Россия, которую бойцы олицетворяют с собой, во многом рассматривается как страна-форпост, сражающаяся с мировым злом, образом которого является фашизм и искажение правды. В этом и проявление мессианского энтузиазма Н. А. Бердяева и сугубый реализм Н. Я. Данилевского, ёмко выраженный в фразе «война очень большое зло, однако не самое большое». Как показал анализ писем солдат СВО, подобный взгляд присутствует в представлениях участников СВО, более того — разделяется ими.

Аксиология (как совокупность ценностей) солдата СВО — смешанный (дионисийский) маскулинно-феминный тип — с набором ценностей: правды, сохранения исторической памяти, Родины как «общего дома», «мужского долга», близости и духовного родства, мира и самой жизни, «православного бога».

В аксиологической картине солдата СВО представлены также «идеологические установки» (которые рассмотрены в данной статье в наименьшей степени и оставлены для будущих работ). Они связаны главным образом с представлениями о современной России как многонациональной, великой (большой ресурсно и исторически) стране. Подобные идеологические

представления присутствовали практически в каждом письме, что указывает на то, что солдаты их не только разделяют, но и видят необходимость в их передаче (своего рода обязательная часть письма).

С точки зрения экзистенциального подхода, война — то пространство, которое приводит к простой философии солдата, где ценными оказываются сама жизнь, повседневные радости, те цели и мечты, которые казались неосуществимыми в мирной жизни. Война — то пространство, где образуются крайне близкие, тесные связи, в том числе с «чужими», неизвестными людьми, объединёнными общей историей, культурой (религией), временем, ситуацией. Как показал анализ, общность под названием «народное единство», которое описал Л. Н. Толстой, существует и сегодня. Более того, триада «дом — братские, родственные отношения — отечество» оказалась крайне значимой для бойцов Российской армии, участвующих в СВО, граждан и людей XXI века, которые, казалось бы, в условиях современной России живут иными представлениями и склонны к универсализму ценностей и по причине их сложности и противоречивости к их саморегуляции (Ю. А. Зубок). На это указывали, в том числе такие обороты в письмах, как «наш дом — Россия», «наша великая Родина», «Великая Победа — это наше общее дело» и пр. Скорее всего, подобная связь указывает на цивилизационную специфику культурно-исторического типа. Для более обоснованного вывода требуется проведение аналогичного анализа на материалах иных цивилизационных типов.

Исследование выявило признаки «народной религиозности», о чём в своё время писал Л. Н. Толстой, проявления которой практически идентичны с описанием позапрошлого века. В нарративах солдат СВО присутствует «наш православный бог», «добрый бог», побеждающий зло и обязательно помогающий одержать победу и т. д. И это особенно впечатляет, заставляя ещё раз задуматься о том, что не все ценности одинаково быстро трансформируемы, что есть то ценностное ядро, которое может сохраняться на протяжении веков и подвергаться изменениям крайне долго.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор ; пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковскогo ; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с. ISBN 978-5-93255-417-3.
2. *Иванов А. Ю.* Фронтовые письма XX века как исторический источник: методика анализа // Учёные записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150, № 1. С. 49–53. EDN [JRGVXX](#).
3. *Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Козлов И. И.* Университет: его ценности и традиции в воспоминаниях его преподавателей (на сновании изучения об-

- разовательных биографий) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 4. С. 221–228. EDN **SZIJYP**.
4. *Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Козлов И. И.* Феноменология православных ценностей в оценке экспертов // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 128–135. EDN **SOARWX**.
 5. Ценностные ориентации студенческой молодёжи в вузах светской и религиозной направленности / И. П. Рязанцев, М. А. Подлесная, А. А. Петров [и др.] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16, № 3. С. 559–575. EDN **WHFJKL**.
 6. Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] / И. А. Халий, О. В. Аксенова, Н. В. Левченко [и др.]; отв. ред. И. А. Халий. М. : Институт социологии РАН, 2015. 273 с. ISBN 978-5-89697-259-4. EDN **XRISFX**.
 7. *Магун В. С.* Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58. DOI [10.31857/S013216250029336-2](https://doi.org/10.31857/S013216250029336-2). EDN **RIAJNU**.
 8. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений. В 12-ти томах. Т. VI. Война и мир. Т. III / Под общей ред. С. А. Макашина, Л. Д. Опульской; примеч. Л. Д. Опульской. М. : Художественная литература, 1973.
 9. *Матвеева И. Ю.* Влияние философии славянофилов на концепцию семьи и народной религиозности в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Выпуск 2: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.) / Отв. ред. О. Н. Ноговицин; ФНИСЦ РАН. СПб. : Издательство РХГА, 2022. С. 52–66. ISBN 978-5-89697-406-2. DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022](https://doi.org/10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022). EDN **MJPXIE**.
 10. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений. В 12-ти томах. Т. IV. Война и мир. Т. I / Под общей ред. С. А. Макашина, Л. Д. Опульской; примеч. Л. Д. Опульской. М. : Художественная литература, 1973.
 11. *Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринтное воспроизведение издания 1918 г. М. : Философское общество СССР, 1990. 240 с. ISBN 5-211-01953-9.
 12. *Николаев Н. Ю.* «Война очень большое зло, однако не самое большое»: Н. Я. Данилевский о войне и мире // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Выпуск 2: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.) // Отв. ред. О. Н. Ноговицин; ФНИСЦ РАН. СПб. : Издательство РХГА, 2022. С. 66–74. ISBN 978-5-89697-406-2. DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022](https://doi.org/10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022). EDN **ZWUYQM**.
 13. *Рождественская Е. Ю.* Фронтовое письмо // INTER. 2018. Т. 10, № 15. С. 78–90. DOI [10.19181/inter.2018.15.5](https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.5). EDN **UYQUMM**.
 14. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / Н. В. Веселкова, К. В. Годунов, Я. А. Голубинов [и др.]; под ред. М. А. Литовской, Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. М. ; Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2021. 408 с. ISBN 978-5-6044025-9-7. EDN **XTNHP1**.
 15. *Орлов И. Б., Лившиц А. Я.* Социологический анализ «писем во власть» (1917–1927-е годы) // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 80–88. EDN **YLJPBR**.

16. Липовка В. О. Анализ писем учащихся как способ выявления ценностных ориентаций подростков (на примере писем деду Морозу) // Научно-педагогическое обозрение. 2014. № 3 (5). С. 70–75. EDN [QQFBJD](#).
17. Куманьков А. Д. Война в XXI веке / А. Д. Куманьков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 296 с. ISBN 978-5-7598-1957-8. DOI [10.17323/978-5-7598-1957-8](#). EDN [BZBSYX](#).
18. Hoffman F., Mattis J. N. Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare // Proceedings. 2005. Vol. 131, № 11 (1). P. 30–32. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars> (дата обращения: 10.08.2024).
19. Образцов И. В. Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 106–116. DOI [10.31857/S013216250010207-0](#). EDN [SEMSAV](#).
20. Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / А. Н. Веселовский ; вступ. ст. И. К. Горского ; сост., коммент. В. В. Мочаловой. М. : Высш. шк., 1989. 406 с. ISBN 5-06-000256-X.
21. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М. : Наука, 1993. 304 с. ISBN 5-02-017721-0.

Сведения об авторе:

М. А. Подлесная

кандидат социологических наук,

ведущий научный сотрудник

SPIN-код: [3556-0353](#)

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 03.08.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.3.2](#)

THE UPDATED VALUES OF A SOLDIER OF A SPECIAL MILITARY OPERATION: LETTERS FROM THE FRONT 2023

Mariia Alexandrovna Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

yamap@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-2159-4958](#)

For citation: Podlesnaia M. A. The updated values of a soldier of a special military operation: letters from the front 2023. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):26–55. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.3.2](#).

Abstract. In the context of aggravation of military conflicts throughout the world, including on the territory of Ukraine, it seems important to study the micro-events of the

war, the value priorities of its direct participants — the soldiers. The space of war and its time (both in physical and metaphysical terms) seem to be the context where the soldier's axiology is fully revealed. The borderline situation (between life and death) creates tension and exacerbates existential choice. The main method is the analysis of ego-documents, front-line letters from participants in a special military operation addressed to children. Letters from participants in the special military operation were taken from an open source, a telegram channel of a volunteer group, with the consent of their moderator and the addressees themselves. The methodology of textual analysis is based on the ideas of "national unity", "national religiosity", the connectedness of Russian people according to the type of family relationships during the war, taken in one of the most iconic novels about the war, L. N. Tolstoy's epic novel "War and Peace"; N. A. Berdyaev's idea about the symbolic nature of war, which does not give birth to evil, but reveals it, and his focus on the messianic role of Russia in the military conflicts of the world; on the civilizational approach of N. Ya. Danilevsky, who sees in war a source of historical development and the formation of cultural and historical types. The results of the study substantiate the evidence of the hypothesis that axiology itself has its foundations in the cultural patterns of Russian literature as a basic component of the school curriculum, and is also imprinted in the works of Russian philosophers who accumulated the worldview experience of previous generations. The study established the presence in the axiology of soldiers of a special military operation of a reference point to messianism and the manifestation of the characteristics of the cultural and historical type of Russia. The space and time of war forces soldiers to turn to them and strengthens archetypal value foundations, actualizes historical memory and confirms its exceptional significance.

Keywords: special military operation, values; updated values, Russian army soldier, ego documents, letters from the front

REFERENCES

1. Kaldor M. New and old wars: organized violence in a global age [Novy`e i stary`e vojny` : organizovannoe nasilie v global`nuyu e`poxu] Per. with English. A. Apolonova, M. Dondukovsky; ed. translated by A. Smirnov, V. Sofronov. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara; 2015. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-417-3.
2. Ivanov A. I. Front-line letters of the 20th century as a historical source: methods of analysis [Frontovye pisma XX veka kak istoricheskij istochnik: metodika analiza]. *Scientific notes of Kazan State University=Uchyony'e zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;150(1):49–53. (In Russ.).
3. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Kozlov I. I. University: its values and traditions in the memoirs of its teachers (based on the study of educational biographies). *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psixologiya. Sociologiya. Pedagogika*. 2014;(4):221–228. (In Russ.).
4. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Kozlov I. I. Phenomenology of Orthodox values in the assessment of experts. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014;(8):128–135. (In Russ.).
5. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Petrova A. A. [et al]. Value orientations of student youth in universities of secular and religious orientation. *Bulletin of RUDN University. Series: Sociology=Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2016;16(3):559–576. (In Russ.).

6. Khaliy I. A. ed. The Updated values of modern Russian society. Electron. text. Dan. (volume 2.2 MB). Moscow: Institut sociologii RAN; 2015. 273 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-259-4.
7. Magun V. S. The Evolution of basic human values of the Russians, 2006–2021. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2023;(12):44–58. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250029336-2](https://doi.org/10.31857/S013216250029336-2).
8. Tolstoy L. N. Collected works [Sobranie sochinenij]. In 12 volumes. Vol. VI. War and Peace. Vol. III. Note L. D. Opulskaya. Moscow: Xudozhestvennaya literature. 1973. 424 p. (In Russ.).
9. Matveeva I. Yu. The influence of Slavophil philosophy on the concept of family and folk religiosity in L. N. Tolstoy's novel "War and Peace" [Vlijanie filosofii slavjanofilov na kontseptsiju semi i narodnoj religioznosti v romane L. N. Tolstogo «Vojna i mir»]. In: Byzantium, Europe, Russia: social practices and the relationship of spiritual traditions. Conference archive. Issue 2: materials of the international scientific conference (St. Petersburg, September 22–24, 2022). Rep. ed. O. N. Nogovitsin. St. Petersburg: Izdatel'stvo RXGA; 2022. P. 52–66. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-406-2. DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022](https://doi.org/10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022).
10. Tolstoy L. N. Collected works [Sobranie sochinenij]. In 12 volumes. Vol. IV. War and Peace. Vol. I. Note L. D. Opulskaya. Moscow: Xudozhestvennaya literature; 1973. 376 p. (In Russ.).
11. Berdyaev N. A. The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality [Sud`ba Rossii. Opy`ty` po psixologii vojny` i nacional`nosti]. Reprint reproduction of the 1918 edition. Moscow: Filosofskoe obshhestvo SSSR; 1990. 240 p. (In Russ.). ISBN 5-211-01953-9.
12. Nikolaev N. Yu. "War is a very great evil, but not the greatest": N. Ya. Danilevsky on war and peace [«Vojna ochen` bol`shoe zlo, odnako ne samoe bol`shee»: N. Ya. Danilevskij o vojne i mire]. In: Byzantium, Europe, Russia: social practices and the relationship of spiritual traditions. Conference archive. Issue 2: materials of the international scientific conference (St. Petersburg, September 22–24, 2022). Rep. ed. O. N. Nogovitsin. St. Petersburg: Izdatel'stvo RXGA; 2022. P. 66–74. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-406-2. DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022](https://doi.org/10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022).
13. Rozhdestvenskaya E. Yu. Front letter. *INTER=INTER*. 2018;10(15):78–90. (In Russ.). DOI [10.19181/inter.2018.15.5](https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.5).
14. Litovskaya M. A., Surzhikova N. V. eds. Ego-documents: Russia in the first half of the twentieth century in inter-source dialogues; Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetny'j uchyony'j. 2021. 408 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6044025-9-7
15. Orlov I. B., Livshits A. Ya. Sociological analysis of "letters to the authorities" (1917–1927) [Sociologicheskij analiz «pisem vo vlast`» (1917–1927-e gody`)]. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 1999;(2):80–88. (In Russ.).
16. Lipovka V. O. Analysis of students' letters as a way to identify the value orientations of adolescents (using the example of letters to Santa Claus). *Pedagogical Review=Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 2014;(3):70–75. (In Russ.).
17. Kumankov A. D. War in the XXI century [Vojna v XXI veke]. Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki; 2020. 296 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1957-8. DOI [10.17323/978-5-7598-1957-8](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1957-8).
18. Hoffman F., Mattis J. N. Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare. *Proceedings*. 2005;131(11):30–32. Available at: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars> (accessed: 10.08.2024).

19. Obraztsov I. V. War as an object of sociological analysis. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2020;(10):106–16. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250010207-0](https://doi.org/10.31857/S013216250010207-0).
20. Veselovsky A. N. Historical poetics [Istoricheskaja poetika]. I. K. Gorsky ed. Moscow: Vy'sshaya shkola; 1989. 406 p. (In Russ.). ISBN 5-06-000256-X.
21. Gasparov B. M. Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century [Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoj literature XX veka]. Moscow: Nauka; 1993. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-02-017721-0.

Information about the Author

M. A. Podlesnaia

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [R-8140-2019](https://orcid.org/0009-0001-8140-2019)

Scopus AuthorID: [56528484500](https://orcid.org/0009-0001-8140-2019)

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 03.08.2024.